

Большая рубка

После летнего разгрома красных Махно не казался военной верхушке деникинской армии сколько-нибудь серьезным противником, несмотря на предупреждения боевых офицеров. А. И. Деникин нигде не называет его войска иначе как «банды» и «вооруженные банды» – с крайним, граничащим с презрением пренебрежением, – хотя его мемуары написаны много спустя после того, как махновцы переиграли его в военной игре и стали одной из главных причин катастрофического разгрома Вооруженных сил Юга России зимой 1919–1920 годов.

Гораздо более серьезным противником представлялся Деникину Симон Петлюра, у которого было 100 тысяч войск и которому белые также объявили войну, не желая поступаться принципом единой и неделимой России и иметь дело с украинскими сепаратистами, хотя те явно были бы рады всякому предложению о сотрудничестве и даже, я полагаю, были бы готовы чуть приспустить свой жовто-блакитный прапор, если бы белые в какой-то мере оговорили вопрос о национальной автономии. Это год спустя – когда, впрочем, было уже слишком поздно, – понял барон Врангель, в секретном приказе предписывая своим командирам соотносить действия с действиями уцелевших петлюровцев, «имея в виду основную задачу свергнуть коммунизм и помочь русскому народу воссоздать свое великое отечество» (40, 149), причем обещалась широчайшая автономия всем областям бывшей империи, населенным невеликороссами... Но тут опять насмешка истории: к тому времени, когда сменивший Деникина Врангель дозрел до подобных деклараций, петлюровская армия, разбитая сначала белыми, а потом красными, уже не представляла никакой силы. Белое движение, ища опоры, опять хваталось за пустоту.

Генерал Я. А. Слащев, долгое время возглавлявший операции белой армии против Петлюры и Махно, позднее – после жестокой обиды, нанесенной ему Врангелем (разжалование в рядовые), и амнистии советского правительства, – читая лекции в Высшей военной академии для будущих красных командиров, не без горькой самоиронии отмечал, что самонадеянность деникинского командования, решившего сразу победить всех врагов белой идеи, не могла просто так сойти с рук. То, что ставка считала ликвидацию Махно делом второстепенной важности, он полагал жесточайшей ошибкой: «Эта слепота ставки и штаба войск Новороссии была неоднократно и жестоко наказана» (70, № 9, 39). Проследим за развитием событий.

В двадцатых числах августа белые впервые начали теснить Махно в районе Помощной и Новоукраинки, но действия частей были согласованы плохо, сил для разгрома Махно – явно недостаточно – и в результате наступавшие были отбиты, потеряв бронепоезд «Непобедимый», захваченный повстанцами. Махновские «банды» в очередной раз обнаружили поразительную для тех, кто сталкивался с ними впервые, боеспособность. В эти дни в штабах белых появилась даже порожденная чувствами уязвленного самолюбия и офицерской гордости легенда, согласно которой всеми маневрами махновцев руководил некий Клейст, полковник германского генерального штаба, которого Махно заманил к себе

на службу, дополняя стратегический ум германца своей жестокой, негибимой волей и знанием местного населения. С Клейстом благородному офицерству не стыдно было состязаться в тактике, Клейсту не стыдно было даже кое в чем уступить: лишь сознание того, что сопротивляется и совершает маневры грязное мужичье, «бандиты», – было непереносимо. Меж тем дело обстояло именно так. Хладнокровный, не склонный к мифотворчеству и самообману Слащев, командовавший 4-й дивизией, действовавшей против махновцев, бесстрастно отмечал: «Ему (Махно) надо было отдать справедливость... в умении быстро формировать и держать в руках свои части, вводя даже довольно суровую дисциплину. Поэтому столкновения с ним носили всегда серьезный характер, а его подвижность, энергия и умение вести операции давали ему целый ряд побед над встречавшимися армиями» (70, № 9, 38).

В начале сентября белые предприняли новую попытку сбить Махно с занимаемых позиций, наступая от Елисаветграда и Арбузинки, но вновь потерпели неудачу и Арбузинку потеряли. Слащев наблюдал: «Махно действовал сокрушительными налетами и крайне быстро, т. к. обстановка требовала высшей энергии и быстроты действий» (70, 39).

12 сентября: белые силами своих 4-й и 5-й дивизий и двух казацких конных полков начали новое наступление на Махно, пытаясь зайти повстанцам в тыл через занятый петлюровцами Ольвиополь. Это им удалось, так как петлюровцы, словно боясь поверить в неизбежность войны с Добровольческой армией, действовали с необыкновенной предупредительностью и, предпочитая держаться от белых на расстоянии пушечного выстрела, услужливо оставляли занимаемые ими местечки при первом же приближении славного воинства российского (одновременно, как не без оснований подозревал Слащев, они снабжали боеприпасами махновцев, хотя и те и другие старались скрыть эту связь).

Ожесточенные бои белых с махновцами продолжались неделю. «Махно дрался упорно, – пишет Слащев, – все время переходя в контратаки и действуя на тылы белых налетами своей многочисленной конницы...» (70, № 9, 40). 17 сентября Махно, теснимый с разных сторон, нащупал во фронте белых слабое место и, опрокинув 5-ю дивизию, повел наступление на Елисаветград, захватив пленных и несколько орудий. В городе началась паника, спешная эвакуация всех деникинских учреждений. Узнав, что махновцы на окраине Елисаветграда и городу «грозит неминуемая опасность быть преданным на разграбление жестоких банд», в ставке белых осознали, наконец, что дело куда серьезнее, чем предполагалось. Тогда спешно была образована так называемая «ольвиопольская группа войск», подчиненных единому командованию бывшего командира 4-й дивизии Слащева. Командир 5-й дивизии пытался возмущаться, так как он был старше чином, но обстановка была слишком серьезная, чтобы дать разгореться этим генеральским амбициям, и за несколько часов конфликт утрясли. В ночь на 19 сентября Слащев получил приказ ставки: «...спасти Елисаветград во что бы то ни стало» (70, № 9, 40).

На рассвете 19-го он двинул против Махно свою «гвардию» – Лабинский офицерский полк, численностью всего в 250 человек, но каждый из этих двухсот пятидесяти, как говорится, стоил трех. Лабинцы ударили Махно в тыл и произвели в рядах его панику. Махновцы отступили от Елисаветграда на запад, но быстро опомнились. Весь день длился упорный бой, однако попытки белых рассечь Махно надвое на линии Помощная—Новоукраинка все-

таки не кончились ничем. К вечеру махновцы даже пытались контратаковать, но им во фланг вновь был брошен батальон офицерского полка, который отогнал атакующих в исходное положение.

Обе стороны выдохлись. Если махновцам не хватало боеприпасов, то белым столь же остро не хватало людей, чтобы развить операцию. Слащев пишет, что к вечеру 19 сентября обстановка сложилась такая, что белым, из-за отсутствия резервов лишенным свободы маневра, нужно было идти ва-банк: «Малейшее промедление грозило гибелью, Махно атаковал бы сам, и измотанные войска белых, имея в тылу партизанскую конницу врага, конечно бы, не выдержали» (70, № 9, 40). Можно было бы и отступить, чтобы за ночь, отлипнув от Махно, вернуть себе свободу действий. Но это означало бы сдачу Елисаветграда, разграбление (термин Слащева) города и, как понимали белые, «сигнал к восстанию» всех «тайных махновцев» в районе.

Слащев принял решение атаковать. Поскольку резервов не было и на карту ставилось все, командирам было приказано возглавить атаку и идти впереди цепей. Начавшийся с рассветом этот отчаянный приступ позиций Повстанческой армии увенчался успехом: в 8 часов утра Слащев уже отдавал приказы на станции Новоукраинка. Махновцы же, взорвав захваченный у белых бронепоезд «Непобедимый», бросив три орудия и 400 пленных, потянулись отступать дальше на запад, в стороне от железных дорог, а то и вовсе по бездорожью, чтобы затруднить преследование. Волин вспоминает это время как исключительно тяжелое для Повстанческой армии: в гигантском обозе было 8 тысяч раненых – столько же, сколько боеспособных в строю, – медикаментов не было, и люди гнили заживо, боеприпасов тоже не было, дрались махновцы отчаянно и каждодневно, но уже без надежды на победу. В этих боях были убиты очень близкие Махно люди: брат Григорий и любимый адъютант Петя Лютый. Сам Махно спал урывками, едва по три-четыре часа, не снимая гимнастерки. Посылаемые во все стороны патрули приносили сведения сплошь неутешительные: помощи ждать неоткуда, фронт ушел далеко на север. Там, на севере, прощупывались только петлюровцы. На западе тоже были петлюровцы. С юга и с востока нажимали белые. В двадцатых числах сентября белые под Уманью окончательно прижали махновцев к петлюровцам. Дальше отступать было некуда.

Тут мы вплотную подошли к одному из замечательных событий в истории Гражданской войны, которое уже потому должно возбудить наше любопытство, что историками различных «школ» оно трактуется совершенно по-разному. Скажем, сочувствующие Махно Аршинов, а вслед за ним и Александр Скирда считают сражение под Уманью поворотным событием всей войны, что, вероятно, для читателя звучит по меньшей мере странно, ибо любой читатель, хоть сколько-нибудь поднаторевший в отечественной истории за последние годы, ни о каком таком сражении не слыхивал. Что неудивительно: этот эпизод борьбы махновцев с самого начала замалчивался, чтобы не признавать за партизанами героизма и не возбуждать к ним нежелательных симпатий.

Из всех «доперестроечных» авторов лишь Лев Никулин в журнальной публикации 1941 года упоминает о неожиданном ударе, которым Повстанческая армия разгромила преследователей под Уманью, после чего совершила головокружительный по быстроте и роковой по последствиям для белых марш на родное Левобережье. Но у Никулина о

сражении под Уманью упомянуто вскользь, и даже в этом коротком рассказе все так запутано, что так и непонятно, в чем, собственно, дело.

Справедливости ради отметим, что в 1922 году в журнале «Военный вестник» не кто иной, как Я. А. Слащев, из белого генерала превратившийся в преподавателя Высшей военной академии РККА, опубликовал разбор всех операций Добровольческой армии против Махно и Петлюры. Но той же справедливости ради отметим, что его публикации, хоть и не были спрятаны в спецхран, в систематическом каталоге Ленинской библиотеки отсутствовали и, таким образом, были деликатно устранены из научного обращения. Поэтому вчитаемся в Слащева: «...Махно с упорными боями отходил на Новоархангельск – Покатилово, охватываемый с двух сторон белыми...» Здесь он узнал, что одна кавалерийская бригада белых «прорвалась через его фланговые банды ему в тыл и заняла Умань между ним и Петлюрой» (70, № 9, 41–42). У Слащева неточность, кое-чего он не знал: петлюровцы стояли в Умани, и, прежде чем Махно узнал об окружении, ему удалось договориться с их властями оставить в городе несколько тысяч раненых; речь также шла как будто о том, что петлюровцы передадут повстанцам 700 тысяч винтовочных патронов, но эта сделка – очевидно, из-за прорыва белых – сорвалась, ибо в день решающего боя армии пришлось драться буквально голыми руками. В это время Культпросветотдел армии опубликовал листовку «Кто такой Петлюра?», желая отмежеваться от самостийников. Один из ответственных советских работников признался потом, что «под словами этого воззвания охотно подпишется любой коммунист» (66, 8). Но петлюровцы не реагировали на анархистские выпады своих соседей, понимая, что, пока белые занимаются Махно, их самих они не тронут. И когда казачьи полки подошли к Умани, чтобы зайти в тыл к Махно, петлюровцы без боя и без угрызений совести сдали им город, бросив и раненых, и остатки недобитой партизанской армии на произвол судьбы.

В это время, констатирует Слащев, «Махно стал сильно таять числом (из-за дезертирства), достигая своим ядром всего 6–8 тысяч человек... Боевых припасов становилось все меньше и меньше» (70, № 9, 40–42).

Разведчики, посланные Махно в разные стороны 25 сентября, подтвердили, что армия окружена. Приказ генерала Слащева предписывал корпусу белых в трехдневный срок уничтожить банды Махно, которые «полностью деморализованы, дезорганизованы, испытывают недостаток в еде и вооружении» (95, 585).

Казалось, конец близок. Дух повстанцев упал, продолжалось тихое дезертирство, остававшиеся в рядах армии готовились к гибели. Четыре месяца отступления сказывались и упадком сил, и неверием в победу.

В тот же день 25 сентября Махно внезапно объявил, что отступление закончено и настоящая война начнется завтра, 26-го. Вечером того же дня махновцы прибегли к маневру, который, если бы Слащев знал их лучше, наверняка заставил бы его насторожиться: они совершили вялую попытку прорыва на запад – безусловно обманную, но, однако, принятую за чистую монету. Казалось немыслимым, что «полностью деморализованные и дезорганизованные банды» осмелятся напасть на главные силы белых. Однако это было именно так. Махно каким-то необыкновенным своим чутьем определил, что

у него есть единственный шанс спасти армию: напасть на ядро преследователей и уничтожить его.

Ночью махновская армия была двинута на восток, на главные силы Слащева под Перегоновкой. Аршинов, бывший участником событий, пишет: «Между тремя и четырьмя часами утра завязалось сражение... К восьми часам утра оно достигло высочайшего напряжения. Пулеметная стрельба превратилась в сплошной рев бури. Сам Махно со своей сотней исчез еще с ночи, пойдя в обход противнику... К 9 часам утра махновцы начали отступать... Деникинцы с разных мест подтянули основные свои силы и окатывали махновцев непрерывными огневыми волнами. Члены штаба повстанческой армии... пошли в цепь. Исход боя решил внезапно появившийся Махно... Молча, без призывов, лишь с горящей на лице волей устремился он со своей сотней полным карьером на неприятеля и врезался в его ряды. Словно рукой сняло усталость и упадок духа у отступавших. – „Батько впереди! Батько рубится!“ – пронеслось по всей массе» (2, 140).

Плотность огня была такая, что, казалось, появление батьки и его сотни неспособно повлиять на ход сражения – миг всех изорвет пулями. Но Махно, к той поре уже не раз раненный, недаром снискал среди повстанцев славу «характерника» – по запорожскому поверью, казака, заговоренного от пули и от сабли. «Батькина сотня» врубилась в цепи врага. Аршинов говорил, что под пулями Махно чувствовал себя не более неуютно, чем другие люди под каплями дождя, – и в этом усматривал даже некоторую «патологию» его характера. Но он не бывал с Махно под огнем, когда все дело решает невероятная и, конечно, в мирной жизни непредставимая храбрость. Узнав своего командира, повстанцы поднялись и ударили в штыки. Пошел жестокий рукопашный бой – «рубка», как выражались махновцы.

Первый офицерский Симферопольский полк не выдержал натиска и смешался. Выстрелы, лязг железа и стоны умирающих слились в какую-то страшную музыку. Белые дрались с ожесточением – достаточно сказать, что одна из рот полка целиком состояла из немцев-колонистов, добровольно вступивших в армию, чтобы свести счеты с махновцами-«экспроприаторами», а остальные были кадровые офицеры, уверенные к тому же, что сегодня они пришли на поле боя за победой, за славой и за наградами (после «спасения» Елисаветграда, например, в полку прибавилось 109 георгиевских кавалеров). И все-таки, когда, заметив Махно, повстанцы поднялись и ударили в штыки, полк дрогнул и стал пятиться – сначала в порядке, потом беспорядочно. Вослед отступавшим Махно пустил кавалерию и за нею в прорыв бросил всю армию, которая, разделившись к вечеру на три отряда, стремительно понеслась на восток, покрывая на повозках и тачанках 100–120 километров в день. Раздавить Махно Слащеву не удалось. Блистательный партизан впервые, быть может, выиграл действительно серьезную партию, в которой ставкой, как всегда, была жизнь.

Но сколь бы ни был высок продемонстрированный класс игры, из всего вышесказанного нам ясно все же, что сражение под Перегоновкой было событием, которое в ряду крупномасштабных операций Гражданской войны – таких, как штурм Перекопа в 1920 году, или менее известных, но не менее дорого обошедшихся белым Орловско-Курской и Воронежской операций в 1919-м, – выглядит достаточно скромно. В самом деле, силы

противоборствующих сторон исчислялись едва ли двумя десятками тысяч человек (6–8 у Махно и 12–15 у Слащева), потери – также, самое большее, несколькими тысячами. Известно как будто, что Махно захватил у белых 23 орудия, 100 пулеметов и 620 пленных, а белые подобрали на поле боя несколько сот раненых махновцев – и это все.

В своей оценке случившегося Слащев, проигравший бой, исходит именно из этого. И если, читая Аршинова, можно подумать, что под Перегоновкой Повстанческая армия едва ли не целиком истребила преследовавший ее белогвардейский корпус, то Слащев как раз утверждает, что главные силы не были затронуты, что речь, собственно, идет об обыкновенном прорыве из окружения, когда Махно на узком участке проломил фронт, смяв и уничтожив два белых полка, – что, конечно, трудно считать судьбоносной для истории победой.

Слащев, безусловно, стремится преуменьшить драматизм происшедшего. И как бывший командующий корпусом, и как преподаватель красной военной академии он не склонен афишировать некоторые моменты сражения и не упоминает, в частности, о том, что придуманная им для Махно «западня» не сработала, что части, поставленные в этой западне, простояли даром, хотя и слышали шум боя, и что именно по этой причине («из-за плохой связи») и погиб 1-й офицерский Симферопольский полк. Если же мы обратимся к воспоминаниям полковника Альмендигера, одного из немногих уцелевших в этом бою офицеров полка, то от холодного стратегического спокойствия Слащева не останется и следа и нам откроется полная драматизма картина гибели одного из лучших полков корпуса:[12] «Штаб полка, 2-я рота, часть пулеметов и батарея продвинулись вперед, перешли вброд Терновку, но командир полка не стал дожидаться, пока подойдут отставшие роты, а бросился дальше, оказавшись к вечеру на Лысой горе без своего полка. Другие роты отступали под сильным нажимом махновской пехоты справа и сзади, при непрерывных атаках кавалерии на левый фланг...

Солнце начало жечь. Махновская пехота шла вслед за нами, но она не стреляла в нас, так как, по-видимому, у нее кончились патроны, что мы немедленно почувствовали. Мы, в свою очередь, тоже почти исчерпали запас патронов. Вражеская кавалерия нас атаковала с флангов; пытаясь посеять панику, бросала гранаты, чтобы потом вруться в наши ряды. Нам приходилось все время останавливаться и стрелять, чтобы заставить их держаться на расстоянии. Несколько человек среди наших упали и, чтобы не достаться живыми врагам, вынуждены были застрелиться. Легкораненые старались идти со здоровыми. Мы достигли реки Синюхи, но мы не знали, где брод. Река была глубокой и достаточно широкой. В конце концов некоторые из нас бросились вплавь: кто-то добрался до противоположного берега, кто-то вернулся назад. Махновская пехота остановилась неподалеку от нас. Отстреливаясь от кавалерии, мы продолжали идти вдоль берега реки в надежде отыскать брод. К счастью, жители показали нам место, где можно было переплыть реку. Из наших шести рот оставалось не более сотни людей. Мы увидели колонны, идущие нам навстречу, мы думали, что это наши: внезапно они развернулись в цепь и стали забрасывать нас гранатами... Последние 60 человек под командованием капитана Гаттенбергера, командира 2-го батальона, развернулись в цепь и попытались достигнуть ближайшего леса. Но им это не удалось. Они еще раз отбили налет кавалерии, расстреляв последние патроны, но были скошены из вражеского пулемета. Те, кто еще остался в живых, были зарублены. Капитан

застрелился. Пленных не было».

Драматизм ситуации очевиден, но из этого отрывка не следует, что это отчаянное сражение действительно повлияло на ход Гражданской войны. Это был бой, беспощадный и жестокий, скажем мы, каких было множество. Тем не менее Аршинов настаивает: «Честь поражения контрреволюции (на Украине) принадлежит махновцам» (2, 144). Какие, собственно говоря, есть у него для этого основания? На этот вопрос требуется дать недвусмысленный ответ. И ответ этот единственный: все, что произошло вслед за боем под Перегоновкой, свидетельствует о том, что роль Махно в разгроме Деникина нам действительно неизвестна. Вероятно, сегодня нельзя уже оценить урон, который махновцы, в самый разгар драки белых с красными, нанесли деникинцам: слишком мало этот вопрос исследован, слишком много свидетельств утрачено или погребено под спудом. Но факт остается фактом: махновщина оказалась чем-то вроде скоротечной и беспощадной болезни, которая в полтора месяца полностью разложила белогвардейский тыл, и, когда в конце 1919 года в излучине Днепра от Екатеринослава до Александровска с севера на юг и до Кривого Рога на запад разрослась махновская советская «республика», по площади примерно равная европейскому тихому герцогству Люксембург, – белые вынуждены были затрачивать на борьбу с этой заразой едва ли не половину своих сил. Все это заставляет смотреть на сражение под Перегоновкой в несколько ином свете.

Москва ничего не знала о событиях под Уманью; она еще только оправилась от рейдов конницы Мамонтова и Шкуро, когда уже соседнюю с Московской Тульскую губернию объявили на военном положении; Москва была потрясена взрывом в Леонтьевском переулке, организованным в Московском городском комитете партии большевиков «анархистами подполья», чтобы убить Ленина: взрыв прогремел 25-го, а 26-го, когда махновцы рубились под Перегоновкой, еще извлекали из-под развалин трупы.

И хотя ни красная столица, ни деникинская ставка действительно не знали о том, что под селом Перегоновка горстка отчаянных партизан прорубила себе клинками путь к свободе, мы можем с уверенностью утверждать, что в гигантском механизме Гражданской войны стонуло что-то: закрутилось маленькое колесико, увлекая своими шестеренками к движению колеса большего масштаба, колеса медленного, но неотвратимого хода.

Современный французский историк Александр Скирда, украинские корни которого невольно заставляют его идеализировать повстанцев в духе запорожского казачества (второе издание своей монографии о Махно он так и назвал – «Казачья свобода»), в главке, посвященной прорыву махновцев из-под Умани, приводит редкие воспоминания белогвардейского офицера Саковича, которые в русле последующих событий звучат как зловещее пророчество. Сакович был из числа офицеров того самого «засадного полка», который Слащев приготовил на погибель Махно, но так и не ввел в бой. Сакович томился ожиданием; он слышал интенсивную стрельбу в течение некоторого времени, потом все стихло; он ощутил, что произошло что-то очень важное:

«В небе, покрытом осенними облачками, плавали последние дымы шрапнельных разрывов, потом... все смолкло. Все мы, строевые офицеры, почувствовали, что случилось нечто трагическое, хотя никто не представлял себе масштабов несчастья, которое нас постигло.

Никто из нас не знал, что именно в этот момент великая Россия проиграла войну. „Это конец...“ – сказал я, сам не зная почему, лейтенанту Розову, который стоял рядом со мной. „Это конец...“ – подтвердил он с мрачным видом» (94, 177).

Ясно, что Сакович написал эти строки, зная о катастрофе, постигшей деникинцев впоследствии. Ясно также, что пророческая фраза «это конец», повторенная дважды, и для Саковича, и для Александра Скирда – не более чем литературный прием. Хладнокровный Слащев в своих лекциях более сдержан: «При энергичном преследовании дни его (Махно) были бы сочтены» (70, № 9, 43). Прекрасно. Но что происходит дальше? А дальше происходит нечто почти неправдоподобное: штаб войск Новороссии приостанавливает преследование Махно и ввязывает корпус Слащева в упорные и длительные бои с Петлюрой, час которого, наконец, пробил. Поистине, нельзя себе представить решения более нелепого! В голый тыл рвется на тачанках 3,5 тысячи (по другим данным – до 7 тысяч) на все готовых партизан, «бандитов», доказавших свое боевое упрямство в ходе боев, непрекращающихся каждодневно более месяца, – и вдруг такое легкомыслие! Против Махно поручено действовать уже не Слащеву, а командиру Таганрогского полка\ Через две недели этот полк если и не был смешан с черноземом Повстанческой армией, вновь вобравшей в свои ряды тысячи человек, то уж, во всяком случае, не представлял для нее никакой опасности. Слащев по этому поводу едко замечает, что в работе главного штаба его, как боевого офицера, поражала бессистемность, «какое-то пренебрежение к противнику, когда он отходит, и невероятная нервность, когда он опять зашевелится» (70, № 9, 43). Воистину, Господь ослепляет тех, кого хочет наказать.

Всеволод Волин, вместе с Повстанческой армией вырвавшийся из белого кольца, приняв нелегкое для анархиста-теоретика боевое крещение, пытается припомнить первую ночь после прорыва, когда махновцы верхами и на тачанках без продыху шли на восток. О, то не была тихая украинская ночь по Гоголю! Ночь дрожала от стука копыт, всадники неслись по дороге, усеянной трупами порубанных, пострелянных людей, раздетых до белья, а то и донага (и в этой спешке успевали раздевать поверженных врагов, чтобы поменять обветшавшее обмундирование). Луна освещала изуродованные трупы: у кого-то отрублена рука, у кого-то – голова... Волин думает: «Вот чем были бы мы все в этот час, если бы победили они... Что это – судьба? Случайность? Правосудие?» (95, 589).

Чем бы ни было случившееся, то, что ждало махновцев в последующие дни, было почти невероятно и напоминало сон: они не встречали никакого сопротивления... Волин не может определить состояние деникинцев иначе как «тыловая летаргия»: «Впечатление было такое, будто мы ворвались в заколдованное царство спящей красавицы. Никто не знал о событиях под Уманью, о прорыве махновцев» (95, 589). Да, правду сказать, если бы и знал, оказывать сопротивление было некому. Оперсводка махновского штаба, несмотря на сквозящее в ней самодовольство, проникнута также глубоким недоумением: «Поле усеяно трупами и погонами от Умани до Кривого Рога. Кривой Рог и Долинская оставлены противником без боя... Разведка наша, посланная по направлению Александровска, Пятихатки и Екатеринослава, противника не обнаружила» (40, 86). Тыловые гарнизоны деникинцев были ничтожно малы: в Кривом Роге было только 50 человек госстражи, которые, конечно, не принимая никакого боя, в ужасе бежали, едва тачанки махновцев загрохотали по мостовым города. Над Днепром от Николаева до Херсона войск не было

никаких; в Херсоне – не больше 150 офицеров. Екатеринославский губернатор, не смущаясь столь малой численностью гарнизона, призывал к борьбе с махновцами – ввиду малого их количества – местное население, под махновцами, очевидно, подразумевая просто строптивых крестьян да скрывавшихся в лесу отставших партизан и красноармейцев. Всего за несколько дней до занятия Екатеринослава махновцами этот человек клятвенно уверял, что городу ничего не угрожает со стороны... петлюровцев!

Последствия подобного легкомыслия разразились чудовищной катастрофой: пройдя в десять дней около 600 верст, махновцы один за другим берут города – Кривой Рог, Александровск, Никополь. С каждым днем Повстанческая армия пополняется людьми и вооружением. 6 октября Махно отдает приказ наступать на юг: через пять дней у белых отбито Гуляй-Поле, захвачен на один день Мариуполь, взят Бердянск – один из главных портов, через которые шло снабжение деникинской армии. Перерезаны все железные дороги, разгромлены артиллерийские склады... Читатель, который не сочтет за труд взглянуть на карту, убедится, что оперативное пространство Повстанческой армии исчислялось в это время десятками тысяч квадратных километров. Что творилось на этой территории, мы, конечно, представить себе не можем: в который раз обиженные и обидчики менялись местами, в который раз в каждом селе, в каждом прежде сонном, заросшем лопухами и вишнею местечке во имя гуманности, справедливости и свободы, словно ягодный сок, лилась кровь... Вновь, как осенью 1918 года, вздыбилась деревня – но уж теперь не надо было партизанам-поджигателям нагнетать обстановку: теперь каждый и сам знал в лицо врага своего.

В книге «Неизвестная революция» Волин, избранный председателем Реввоенсовета Повстанческой армии, не без сочувствия, хотя и с заметным при внимательном чтении замешательством, описывает сцену расправы крестьян над священником, который в свое время выдал деникинцам список смутьянов (как человек, Волин не чужд некоторых моральных предрассудков, но как интеллигент, взрастивший в себе анархическое мировоззрение, он всячески пытается их изжить, индугируя себя волею «масс»). Однако, как бы в реальности ни обстояло дело, сегодня эту подробно описанную сцену нельзя читать без некоторого душевного трепета, представив себя на месте жертвы. Дело в том, что если большевики упразднили суд присяжных как «буржуазное» заведение, заменив его «тройками» быстро сыскавшихся фанатиков «революционного правосознания», то декларацией Реввоенсовета Повстанческой армии всякий суд, как репрессивное орудие эксплуататорских классов, был, в духе анархического учения, отменен в принципе, как институт: «Истинное правосудие должно быть не организованным, но живым, свободным, творческим актом общежития» (85, 48). Практически это означало низведение правосудия до уровня товарищеского суда или – что, возможно, представляет собой более достоверную аналогию – суда Линча, который, вне всякого сомнения, является самым что ни на есть «живым, свободным, творческим актом общежития» для всех, кто принимает в нем участие. И если Франц Кафка в «Процессе» ужасается более всего той бесчеловечности, машинное™, в которую в цивилизованном мире превращено судебное производство (именно производство: слов, параграфов, бумаг, перед которыми, как перед бесчисленными дверьми бесконечных чиновничьих кабинетов, человек оказывается совершенно бессилён), то Волин, сам того не желая, выдает нам ужас прямо противоположного, человеческого, равнодушного подхода к правосудию.

Заняв одну из деревень, махновцы узнали, что местный священник передал властям список из 40 человек, сочувствующих махновцам. Все они были расстреляны. Выяснив, что крестьяне говорят правду (аргумент, способный растрогать любого юриста), партизаны отправились искать попа. Далее Волин пишет: дома его не оказалось. Кто-то сказал, что он прячется в церкви. Но на двери снаружи висел замок. Замок, поколебавшись, сорвали (ибо возникли подозрения, что навесил его, спасая священника, маленький пономарь). В церкви никого не было, но ворвавшись обнаружили ночной горшок, уже использованный по назначению, и запас еды. Гремя оружием, несколько человек полезли на колокольню. Люди, наблюдавшие за происходящим с площади, видели, как с колокольни на крышу церкви выбрался человек в черной рясе и в ужасе закричал: «Братцы! Братцы! Я ничего не делал! Я ничего не делал! Братцы, помилуйте, братцы...»

Его схватили за рясу и стащили вниз, приволокли «по случайности», как пишет Волин, во двор к крестьянину, где остановилась махновская секция пропаганды. Тут же был устроен народный суд. Анархисты, следуя правилу не навязывать собственного мнения, не вмешивались, а только (не без скрытого удовольствия?) наблюдали. Поп был молод, с длинными волосами цвета соломы, очень напуган.

– Ну, – кричали попу, – что ты теперь скажешь, проходимец? Пришла расплата! Прощайся с жизнью и моли своего Бога...

– Братцы, братцы, – повторял поп, дрожа. – Я невиновен, невиновен, я ничего не делал, братцы...

– Как ничего не сделал? – раздались голоса. – А не ты, что ли, выдал Ивана, Петра, Серегу-горбуна и других? Разве не ты составил список? Хочешь, пойдём на кладбище, к их могиле. Или ты хочешь, чтобы мы в полицейском участке разыскали твои доносы?

Поп упал на колени, лицо его покрылось потом:

– Братцы, пощадите, я ничего не сделал...

На коленях священник подполз к молодой анархистке из секции пропаганды и, поцеловав ее платье, взмолился:

– Сестрица, заступись за меня... Я невиновен... Спаси меня, сестрица...

– А что я могу сделать для тебя? – ответила она. – Если ты невиновен – защищайся... Эти люди – не дикие звери. Если ты невиновен, никто не причинит тебе зла. Но если виноват, то что я могу сделать?

Какой-то повстанец на коне въехал во двор и, сквозь толпу пробравшись к попу, принялся хлестать его плеткой, при каждом ударе приговаривая:

– Не будешь обманывать народ! Не будешь обманывать народ!

– Хватит, товарищ, – сказал Волин мягко. – Не надо все же его мучить...

- Ну да, - поднялись голоса. - А то они никого не мучили...

В этот момент другой повстанец приблизился к попу:

- А ну, подымайся! Довольно ломаться! Вставай! Приговоренный больше не кричал. Очень бледный, едва ли сознавая, что происходит, он встал. Взгляд его скользил по верх голов, губы шептали что-то неразличимое.

Повстанец, взявший на себя судебские функции, спросил:

- Есть кто-нибудь, кто хочет защитить этого человека? Кто-нибудь сомневается в его виновности?

Никто не пошевелился.

Повстанец рванул попу и внезапно задрал ему рясу:

- Шикарная ткань... из нее выйдет отличное черное знамя, а то наше поистрепалось...

Осужденный покорился. Он встал на колени и, сложив молитвенно руки, стал читать молитву: «Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да придет царствие Твое...»

Двое повстанцев встали позади обреченного и, достав револьверы, несколько раз выстрелили ему в спину.

Предатель упал. Все было кончено (95, 591-593).

Для человека, имеющего отношение к юриспруденции, каждая строка этого описания поистине вопиюща. Мы, однако, воздержимся от комментариев: все-таки Волин, сам того не желая, изобразил сцену «народного суда» достаточно красноречиво, чтобы ужаснуться ей и у человека со здоровыми инстинктами вызвать жалость к жертве. Забавнее всего, что сам-то он преследовал цель прямо противоположную: рассказать революционным кругам Европы, да и вообще запутавшемуся в либерализме человечеству, как славненько получалось у анархистов в 1919 году решать вопросы правосудия. Не удержась, замечу, что убивают попу, виновность которого нельзя все же считать до конца установленной, не крестьяне, а два повстанца, которые уже вкусили крови и, жаждая ее вновь, проделывают всяческие вещи, чтобы гибель несчастного ускорить: хлещут его плеткой, заводя толпу, а потом волевым решением отправляют его-таки в мир иной.

Партизаны, совсем еще недавно не знавшие, удастся ли им выбраться из смертельного кольца преследователей и встретить восход нового дня, теперь чувствовали себя в деникинском тылу настолько полновластными хозяевами, что даже Махно - командующий всей армией, человек, действительно обладавший властью и силой, - мог расслабиться и исключительно удовольствия ради позволял себе забавы в духе раннего повстанчества с переодеванием, буффонадой, амикошонством и шампанским, которые неизменно заканчивались кровавой резней и собственноручной расправой с «врагами». Волин упоминает, как Махно с компанией старых друзей, переодетых в форму деникинских

офицеров, приехал в имение помещика, известного как «крайний реакционер» и палач крестьян. Хозяин принял их с необыкновенным радушием и оставил на ночлег.

Нет, он не был зарезан ночью в постели: этак в пьесе не хватило бы перцу. Лишь на другой день, после завтрака с дорогими винами и ликерами, во время которого хозяин, поощряемый улыбками гостей, провозглашал тосты за здоровье Деникина и проклинал «махновских бандитов», лишь после того, как, совсем растрогавшись, помещик продемонстрировал гостям свой арсенал и непримиримую готовность к обороне, его неожиданно охолодили. Махно называет свое имя: «Пора платить...» Помещик, его верные слуги и друзья-офицеры убиты на месте... Кажется, будто вновь замелькали знакомые уже кадры хроники 1918 года...

Впрочем, неизвестно еще, когда ожесточение было большим. Наталья Сухогорская, до конца Гражданской войны вынужденная быть свидетелем творившихся на Украине ужасов, пишет, что возвращение Махно в Гуляй-Поле было поистине страшно. Ее откровение начинается рассказом о некоем белогвардейском прапорщике, оказавшемся расквартированным по соседству с нею: молодой офицер не мог удержаться от мальчишеского бахвальства и, как мог, утешал интеллигентную соседку тем, что белые необыкновенно устойчивы и никогда больше не отступят... Бедный юноша, конечно, и сам верил в это. А назавтра после разговора с соседкой, в 5 часов утра, когда сон так сладок, его выволокли из постели на утренний холодок, на расстрел, ворвавшиеся в село махновцы.

Богатых и ненавистных убивали; девушек, осмелившихся гулять с белыми, тоже убивали. «Нередко натыкались люди в своих дворах на части человеческого тела, принесенные собаками (значит, „рубали“ где-то за околицей. – В. Г.). Собаки сделались бичом села. Питаясь трупами убитых, они обратились в диких зверей... как волки, нападали по ночам на свиней, пожирали их, а люди не смели даже выйти из хаты. Оружие было ведь у всех отобрано...»

...Чем более проходит времени, тем труднее и тем ненужнее быть в истории судьей. Не будь на то причин, не загорелось бы снова в тылу у белых свирепое, как пламя, крестьянское восстание, охватывая, помимо исконно «махновских», и соседние губернии. Но и жестокости восставших оправдывать я не могу, считая, более того, что не мое это дело – оправдывать. Поэтому вернемся к фактам.

Ввиду того что силы Махно стали угрожать непосредственно деникинской ставке Таганрогу, от которого Махно был в ста верстах, в то время как деникинцы находились втрое дальше от Москвы, белые подтянули сюда крупные силы, в надежде все же как-то перекрыть истечение крови, образовавшееся вследствие разрыва партизанской гранаты буквально у них в животе. Им удалось добиться частичного успеха, но «накрыть» главные силы Махно на Левобережье они все же не смогли, и, хотя казаки, как утверждают, как-то раз захватили даже батькин обоз, операции против него напоминали перекачивание лужицы ртути на полу: чувствуя давление с одной стороны, махновцы текли в другую, бросали Мариуполь, захватывали Синельниково, Павлоград, уходили оттуда, появлялись в другом месте.

